

Варлам Шаламов

Букинист

ФТМ

Варлам Шаламов

Букинист

«ФТМ»

1956

Шаламов В. Т.

Букинист / В. Т. Шаламов — «ФТМ», 1956

Рассказ Варлама Шаламова «Букинист» входит в сборник колымских рассказов «Левый берег».

© Шаламов В. Т., 1956

© ФТМ, 1956

Варлам Шаламов

Букинист

Из ночи я был переведен в день – явное повышение, утверждение, удача на опасном, на спасительном пути санитаров из больных. Я не заметил, кто занял мое место, – сил для любопытства у меня не оставалось в те времена, я берег каждое свое движение, физическое или душевное – как-никак мне уже приходилось воскресать, и я знал, как дорого обходится ненужное любопытство.

Но краем глаза в ночном полусне я увидел бледное грязное лицо, заросшее густой рыжей щетиной, провалы глаз, глаз неизвестного цвета, скрюченные отмороженные пальцы, вцепившиеся в дужку закопченного котелка. Барачная больничная ночь была так темна и густа, что огонь бензинки, колеблемый, сотрясаемый будто бы ветром, не мог осветить коридор, потолок, стену, дверь, пол и вырывал из темноты только кусочек всей ночи: угол тумбочки и склонившееся над тумбочкой бледное лицо. Новый дежурный был одет в тот же халат, в котором дежурил я, грязный рваный халат, расхожий халат для больных. Днем этот халат висел в больничной палате, а ночью напяливался на телогрейку дежурного санитаров из больных. Фланель была необычайно тонкой, просвечивала – и все же не лопалась; больные боялись или не могли сделать резкое движение, чтобы халат не распался на части.

Полукруг света раскачивался, колебался, менялся. Казалось, холод, а не ветер, не движение воздуха, а сам холод качает этот свет над тумбочкой дежурного санитаров. В световом пятне качалось лицо, искаженное голодом, грязные скрюченные пальцы нашаривали на дне котелка то, чего нельзя было поймать ложкой. Пальцы, даже отмороженные, нечувствительные пальцы, были надежнее ложки – я понял суть движения, язык жеста.

Все это мне было не надо знать – я ведь был дневной санитар.

Но через несколько дней – поспешный отъезд, неожиданное ускорение судьбы внезапным решением – и кузов грузовика, сотрясающегося от каждого рывка автомашины, ползущей по вымерзшему руслу безымянной речки, по таежному зимнику ползущей к Магадану, к югу. В кузове грузовика взлетают и ударяются о дно с деревянным стуком, перекатываются, как деревянные поленья, два человека. Конвоир сидит в кабине, и я не знаю – ударяет меня дерево или человек. На одной из кормежек жадное чавканье соседа показалось мне знакомым, и я узнал скрюченные пальцы, бледное грязное лицо.

Мы не говорили друг с другом – каждый боялся спугнуть свое счастье, арестантское счастье. Машина спешила – дорога кончилась в одни сутки.

Мы оба ехали на фельдшерские курсы, по лагерному наряду. Магадан, больница, курсы – все это было как в тумане, в белой колымской мгле. Есть ли вехи, дорожные вехи? Принимают ли пятьдесят восьмую? Только десятый пункт. А у моего соседа по кузову машины? Тоже десятый – «аса». Литер: «антисоветская агитация». Приравняется к десятому пункту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.